

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕДАГОГИКИ

КОНСТАНТИН ДМИТРИЕВИЧ УШИНСКИЙ: ОСНОВОПОЛОЖНИК НАУЧНОЙ ПЕДАГОГИКИ В РОССИИ*

(К 190-летию со дня рождения)

УДК 37.0132
ББК 74.03(2)

Константин Дмитриевич Ушинский родился 19 февраля (2 марта) 1824 года в Туле в семье Дмитрия Григорьевича Ушинского — мелкопоместного дворянина, отставного офицера, участника Отечественной войны 1812 года, служившего чиновником. Мать Константина Дмитриевича — Любовь Степановна умерла, когда ему было 11 лет. После назначения Дмитрия Григорьевича Ушинского судьей в уездный город Новгород-Северский Черниговской губернии вся семья Ушинских переехала на жительство в этот старинный городок¹. Все детство и отрочество К. Д. Ушинского прошло в приобретенном отцом небольшом имении, так называемом «Урочище Покровщина», расположенном в четырех верстах от

Новгород-Северского на берегу реки Десны.

Первоначальное образование Константин Ушинский получил дома под руководством матери, что позволило ему в 12 лет поступить сразу в третий класс гимназии уездного города Новгород-Северского. В гимназии Константин Ушинский был примерным учеником. Он много читал, часто был инициатором диспутов на различные темы. Как отмечали позже его биографы, он терпеть не мог подхалимства среди учеников и несправедливости некоторых учителей. С особым уважением Константин Ушинский относился к директору гимназии И. Ф. Тимковскому² и к учителю истории М. Г. Ерофееву. Именно от этих преподавателей гимназист Ушинский

* Материал представлен ФГНУ «Научная педагогическая библиотека им. К. Д. Ушинского». Ссылка на сайт www.gnpbu.ru

Д. Г. Ушинский

узнал о брошюре «Донесение следственной комиссии, направленной в 1825 году против декабристов» и о деле «О политическом вольнодумстве некоторых профессоров и учащихся Нежинской гимназии высших наук».

Сам К. Д. Ушинский в воспоминаниях об обучении в Новгород-Северской гимназии писал: «Воспитание, которое мы получили... в бедной уездной гимназии маленького городка Малороссии Новгорода-Северского, было в учебном отношении не только не ниже, но даже выше того, которое в то время получалось во многих других гимназиях. Этому много способствовала страстная любовь к науке и несколько даже педантическое уважение к ней в покойном директоре Н-ской гимназии, старике профессоре, имя которого известно и ученой литературе, — Илье Федоровиче Тимковском».

Л. С. Ушинская

В 1840 году К. Д. Ушинский после окончания гимназии поступил учиться на юридический факультет Московского университета, где слушал лекции блестящих преподавателей, в том числе таких известных профессоров, как профессор истории Тимофей Николаевич Грановский и профессор философии государства и права Петр Григорьевич Редкин², который оказал немалое влияние на последующий выбор К. Д. Ушинского заняться педагогикой.

После блестящего окончания университетского курса Ушинский был оставлен в Московском университете для подготовки к сдаче магистерского экзамена. В круг интересов молодого Ушинского, помимо философии и юриспруденции, входили и литература, и театр, а также все те вопросы, которые волновали представителей

И. Ф. Тимковский

прогрессивных кругов русского общества того времени, в частности, пути распространения грамотности и образованности среди простого народа.

В июне 1844 года ученый совет Московского университета присудил

П. Г. Редкин

К. Д. Ушинский в студенческие годы

Константину Ушинскому степень кандидата юриспруденции, а в 1846 году он был назначен исполняющим обязанности профессора камеральных наук на кафедру энциклопедии законоведения, государственного права и науки финансов в ярославский Демидовский юридический лицей.

Однако прогрессивные демократические взгляды молодого профессора, его глубокая эрудиция, простота в обращении со своими учениками вызвали недовольство руководства лицея, что в конечном итоге привело к конфликтам с начальством лицея, доносам вышестоящему начальства на Ушинского со стороны руководства лицея и установления негласного надзора за ним. Все это привело к тому, что в 1850 году Ушинский был вынужден подать в отставку. После своей отставки из Демидовского лицея Ушинский некоторое время зарабатывал себе на

жизнь переводами статей из иностранных журналов, рецензиями и обзорами в журналах, а все его попытки устроиться снова на преподавательскую должность оказывались тщетными.

Через полтора года безуспешных попыток устроиться на преподавательскую работу в Ярославле К. Д. Ушинский переехал в Санкт-Петербург, где первоначально он смог устроиться только на должность столоначальника департамента иностранных вероисповеданий Министерства внутренних дел — достаточно мелкую чиновничью должность.

Летом 1851 года, когда К. Д. Ушинский находился в служебной командировке в Черниговской губернии, он женился на подруге своего детства Надежде Семеновне Дорошенко, происходившей из древнего украинского казачьего рода.

В ноябре 1854 года, благодаря помощи бывшего коллеги по Демидовскому лицее — директора Гатчинского сиротского института П. В. Голохвастова, бывшего ранее его начальником в Демидовском лицее, К. Д. Ушинский получил назначение в этот институт старшим учителем русской словесности и юридических предметов. Гатчинский сиротский институт представлял собой закрытое среднее профессионально-юридическое учебное заведение, которое находилось под покровительством императрицы. Его задачей было воспитание людей, верных «царю и отечеству» — его воспитанники (свыше 600 человек) предназначались к занятию различных должностей в многочисленных департаментах и министерствах, а применяемые для этого методы славились своей строгостью. Так, за небольшую

Д. Г. Ушинский, профессор
Ярославского Демидовского лицея

Н. С. Дорошенко

провинность воспитанника могли посадить под арест в карцер, на прогулку за стены института воспитанники могли выходить только по субботам и воскресеньям. Сам Ушинский так характеризовал позже институтские порядки: «Канцелярия и экономия наверху, администрация в середине, учение под ногами, а воспитание — за дверьми здания». Интересно, что за пять лет своей преподавательской работы в этом учебном заведении К. Д. Ушинскому удалось изменить старые и внедрить новые порядки и традиции в институте, которые сохранялись в нем вплоть до 1917 года. Так, ему удалось начисто искоренить фискальство, доноительство, которое, как правило, было характерно для учебных заведений закрытого типа, ему удалось изжить воровство, так как самым суровым наказанием для воров стало презрение товарищей. Чувство настоящего товарищества К. Д. Ушинский считал основой воспитания.

Уже через полгода своей службы в Гатчинском сиротском институте К. Д. Ушинский был повышен по службе и назначен инспектором классов.

В стенах этого учебного заведения К. Д. Ушинский обнаружил архив одного из прежних инспекторов Гатчинского сиротского института — Егора Осиповича Гугеля⁴, в котором он нашел, как писал позже сам Ушинский, «полное собрание педагогических книг».

Найденные книги оказали огромное влияние на Ушинского. Под влиянием

идей, полученных от прочтения этих книг, он написал одну из лучших своих статей по педагогике «О пользе педагогической литературы». После огромного общественного успеха, который имела его статья, Ушинский становится постоянным автором «Журнала для Воспитания». В этом журнале он последовательно публиковал статьи, в которых развивал свои взгляды на систему воспитания и образования в России. В период службы в Гатчинском институте им были написаны также «Три элемента школы», «О народности в общественном воспитании» и другие работы.

В январе 1859 года К. Д. Ушинского пригласили на должность инспектора классов Смольного института благородных девиц, где ему удалось провести значительные прогрессивные изменения. Так, исходя из

Д. Г. Ушинский, инспектор
Гатчинского института

своего главного принципа — демократизации народного образования и народности воспитания, ему удалось убрать существовавшее до этого разделения контингента учащихся на «благородных» и «неблагородных», т. е. деления по принципу происхождения девушек из дворянского и из мещанского сословий. Он ввел практику преподавания учебных предметов на русском языке, стал знакомить учащихся с классиками русской литературы и открыл специальный педагогический класс, в котором осуществлялась подготовка учениц для работы в качестве воспитательниц. К. Д. Ушинский ввел в практику педагогической работы совещания и конференции педагогов, а воспитанницы получили право проводить каникулы и праздники у родителей.

Его сослуживец и коллега по Смольному институту Л. Н. Модзалевский² так написал в своих воспоминаниях об этом периоде жизни К. Д. Ушинского: «У Ушинского бывали так называемые четверги, в которые собирались к нему все друзья и сослуживцы, кто только пожелает. Тогда К. Д. жил в особом небольшом, но уютном сереньком флигеле, составлявшем частицу как бы целого городка, носившего общее название «Смольного монастыря». В карты не играли, но больше толковали о новостях тогдашней литературы, о современных государственных реформах, бывших тогда в полном ходу и одушевляющим образом действующих в особенности на Ушинского, да и на

всех нас; но больше всего говорили и спорили, конечно, о смолянских делах, о программах, методах, о разных педагогических взглядах и системах, которыми в начале 60-х годов интересовалось вообще все образованное русское общество».

Одновременно с преподавательской работой Ушинский стал редактировать «Журнал Министерства Народного Просвещения». Благодаря ему это официальное издание Министерства просвещения превратилось в прекрасный педагогический журнал, весьма отзывчиво относившийся к новым течениям в области народного образования. Однако из-за столкновения с вновь назначенным министром народного просвещения реакционером графом Е. В. Путятиным он был вынужден уйти из «Журнала Министерства на-

К. Д. Ушинский, инспектор
Смольного института

родного просвещения», который редактировал в течение полутора лет.

Однако у К. Д. Ушинского произошел конфликт с начальницей института М. Леонтьевой⁶, которая обвинила Ушинского в вольнодумстве, непочтительном отношении к начальству, атеизме и других проступках подобного рода. Просто уволить ставшего очень популярным педагога было нельзя. И под благовидным предлогом Ушинского в марте 1862 года удалили из института — он был направлен на пять лет за границу для лечения и изучения школьного дела⁷.

За время своей заграничной командировки Ушинский посетил Швейцарию, Германию, Францию, Бельгию и Италию. В этих странах он посещал и изучал учебные заведения — женские школы, детские сады, приюты и школы, особенно в Германии и Швейцарии, которые в то время считались самыми передовыми в части новаций в педагогике.

В 1861 году он написал и издал книгу «Родное слово», а позже за границей в 1864 году он написал и издал учебную книгу «Детский Мир». В этих книгах для первоначального классного чтения нашли свое отражение основные педагогические идеи Ушинского — требование демократизации народного образования и идея народности воспитания. Фактически это были первые массовые и общедоступные российские учебники для начального обучения детей. Более того, Ушинский написал и издал

особое руководство для родителей и учителей к своему «Родному Слову» — «Руководство к преподаванию по «Родному слову» для учителей и родителей». Это руководство оказало огромное, широчайшее влияние на русскую народную школу. Свою актуальность как пособие по методике по преподаванию родного языка это пособие не потеряло и по сей день. Достаточно сказать, что до 1917 года оно выдержало 146 изданий.

Работая в Петербурге и Гатчине и находясь за границей, К. Д. Ушинский приезжал отдыхать со своей семьей на хутор Богданку Глуховского уезда Черниговской губернии (ныне село Богданка Шосткинского района Сумской области Украины), где у него был дом. В семье Ушинских было пятеро детей: Павел (1852 г.), Владимир (1861 г.), Константин (1859 г.), Вера (1855 г.) и Надежда (1856 г.). Много позднее после трагической гибели его старшего сына на охоте он переехал на жительство в Киев.

В середине 60-х годов К. Д. Ушинский с семьей вернулся в Россию. Свой последний главный научный труд, названный К. Д. Ушинским «Человек как предмет воспитания, опыт педагогической антропологии», он начал печатать в 1867 году. Первый том «Человек как предмет воспитания» вышел в 1868 году, а через некоторое время вышел второй том. К сожалению, этот его научный труд (третий том) остался незавершенным. В этой своей работе К. Д. Ушинский подходит

к рассмотрению психических явлений на фундаментальной философской основе, не будучи приверженцем какой-либо определенной философской системы, он вполне самостоятельно дал в своем труде ценный психологический анализ цепочки: ощущение прекрасного — чувствование прекрасного — осознание. Также в этом труде К. Д. Ушинский дал обоснование предмета педагогики, ее основных закономерностей и принципов. Основа его педагогической системы, нашедшая отражение в его многочисленных трудах, — требование демократизации народного образования и идея народности воспитания.

В последние годы жизни К. Д. Ушинский выступал как видный общественный деятель. Он писал статьи о воскресных школах, о школах для детей ремесленников, а также принял участие в учительском съезде в Крыму. Расставаясь с участниками

съезда, К. Д. Ушинский сказал слова, ставшие пророческими: «Скоро настанет время, когда весь русский народ осознает необходимость грамоты. Тогда будет издан закон об обязательном обучении для каждого русского человека. Предлагаю провозгласить здравцу за скорейшее осуществление мечты всей моей жизни: за обязательное обучение в России».

Летом 1870 года К. Д. Ушинский лечился кумысом в Альме возле Бахчисарая. Возвращаясь из Крыма, собиравшись захватить к своему коллеге и другу Н. А. Корфу⁸ в село Времевку Александровского уезда на Екатеринославщине, но из-за болезни и большой отдаленности села от железнодорожной станции Благодатной не смог это сделать. Прибыв на хутор Богданку, он узнал о трагической смерти своего старшего сына Павла. Найдя в себе силы перебороть постигшее его горе, он перевез свою семью в

Киев, купив домик по ул. Тарасовской, а сам с сыновьями Константином и Владимиром поехал лечиться в Крым. Но в дороге простудился, заболел и остановился в городе Одессе, где и

умер² 22 декабря 1870 года (3 января 1871 года).

Похоронили К. Д. Ушинского в Киеве на территории Выдубецкого монастыря.

Комментарии

1. Город Новгород-Северский известен тем, что это был один из богатейших и красивейших городов Древней Руси, первое упоминание о котором встречается в известном «Поучении детям» Владимира Мономаха. Именно из этого древнего города — столицы Северского княжества — уходил в свой знаменитый поход на половцев князь Игорь.

2. И. Ф. Тимковский родился в городе Переяславе на Киевщине, образование получил в Киевской академии и Московском университете. Принимал активное участие в создании Харьковского университета, в котором работал профессором — доктором права и филологии. Будучи директором Новгород-Северской гимназии (первой гимназии на Левобережной Украине), преподавал в ней латинский язык и русскую словесность; состоял членом Королевского научного общества (в Великобритании) и Геттингенского научного общества (в Германии).

3. Петр Григорьевич Редкин (4 октября 1808 г. — 7 марта 1891 г.) — выпускник Московского университета и Дерптского университета, в котором продолжил свое юридическое образование. С сентября 1835 года, получив диплом Доктора права, П. Г. Редкин был назначен в Московский университет читать «Энциклопедию Законоведения и Государственных Законов», а в 1847 году получил ординатуру. Несмотря на непродолжительную профессорскую деятельность в Москве до 1848 года, П. Г. Редкин завоевал весьма широкую популярность, которая сделала его общим любимцем всего студенчества. С 1863 по

1876 год был профессором и ректором (с 1873 года) Петербургского университета.

4. Егор Осипович Гутель (1804—1841) родился Гильдбургтаузене в Германии, пяти от роду был вывезен в Россию. Был учителем немецкого языка в Инженерном училище, инспектором классов в Гатчинском сиротском институте. Будучи последователем Песталоцци, он со своим товарищем П. Гурьевым осуществил первый в России опыт «школ для малолетних детей». Его «школа» была нечто большее, чем просто среднее между современным «детским садом» и школой. В небольшом домике Гатчинского парка им было собрано десять мальчиков 4—6-летнего возраста не просто для обучения, а для придания «правильного направления в развитии детских способностей». Его двухлетний опыт практической работы был описан позже в первом в России «Педагогическом журнале», издаваемом им со своим помощником и обнаруженным Ушинским. К сожалению, после того, как обстоятельства не позволили Гутелю продолжать дальше свой педагогический эксперимент, он сошел с ума, что надолго предало забвению его педагогические труды.

5. Л. Н. Модзалевский (1837—1896) — русский педагог. Работал преподавателем русской литературы в Смольном институте. Автор книги «Очерк истории воспитания с древнейших до наших времен» и статей о педагогической деятельности К. Д. Ушинского.

6. Как написала позже о причинах этого конфликта в своих воспоминаниях «На заре жизни» Е. Н. Водорезова,

бывшая в ту пору ученицей Ушинского в Смольном институте, а впоследствии ставшая известным российским педагогом и писательницей: «Леонтьева — осколок старины глубокой, особа с допотопными традициями и взглядами, с манерами, до комизма чопорными, придворным высокомерием, с ханжеской моралью, требующая от каждого полного подчинения своему авторитету и подобострастного поклонения перед каждым своим словом, и он, Ушинский, — представитель новой жизни, носитель новых, прогрессивных идей, с энергией страстной натуры, проводящий их в жизнь, до мозга костей демократ по своим убеждениям, считавший пошлостью и фокусами всякий этикет, всем сердцем ненавидящий формализм и рутину, в чем бы они ни проявились».

7. К. Д. Ушинским было написано в попечительский Совет прошение следующего содержания: «Расстройство здоровья заставляет меня уехать за границу на продолжительное время, вследствие чего почтительнейше прошу Совет исходатайствовать мне увольнение от занимаемой мною должности инспектора классов. Но так как семья моя только в мае месяце отправится за границу, то я прошу покорнейше у Совета позволения остаться ей на казенной, занимаемой мною ныне квартире до конца мая месяца текущего года».

Коллежский советник К. Ушинский марта 22 дня 1862 г.

8. Н. А. Корф — русский педагог и методист начального обучения. Работая в должности председателя училищного совета Александровского уезда Екатеринославской губернии на Украине, способствовал открытию земских начальных школ. Автор учебника для учащихся «Наш друг» — как дополнения к книгам К. Д. Ушинского «Детский мир» и «Родное слово».

9. Из медицинского заключения о причине смерти К. Д. Ушинского: «Страдая хроническим воспалением легких, свойство его долголетнего хронического страдания требовало вместе с хорошими климатическими условиями почти абсолютного воздержания от всякой напряженной деятельности, и я не могу поэтому сомневаться, что именно усиленные ученые литературные работы Ушинского, которыми ознаменовались последние годы его жизни, с медицинской точки зрения, были для него пагубны, потому что они истощили его слабые физические силы и были существенной причиной его преждевременной кончины.

Доктор медицины,
экстра-ординарный профессор
университета Св. Владимира
Шкляревский»

К. Д. Ушинский Три ЭЛЕМЕНТА ШКОЛЫ¹

УДК 37.0132
ББК 74.03(2)

Деятельность всякого учебного заведения, если оно имеет сколько-нибудь воспитательную цель, складывается из трех элементов, представителями которых являются: администраторы заведения, его воспитатели и его учителя.

Эти три основные элемента школьной деятельности, административный, учебный и воспитательный, могут находиться и находятся в действительности в самых разнообразных комбинациях между собой. Иногда они соединяются более или менее тесно, иногда совершенно распадаются между отдельными лицами и часто находятся даже во враждебном отношении между собой. На практике вопрос этой комбинации, на который теория до сих пор обращала мало внимания, является, по нашему мнению, одним из важнейших вопросов в деле общественного воспитания и разрешается если не всегда удачно, то зато чрезвычайно разнообразно. Теория же никогда не обращала на него особенного внимания, хотя от этой комбинации основных элементов всякой школы более всего зависит та ее воспитательная сила, без которой она является

*Hamlet. Your bonnet to his right use:
t'is for the head.*
*Гамлет. Употребите вашу шляпу на
то,
для чего она сделана:
наденьте ее на голову.*
В. Шекспир

декорациями, закрывающими от непосвященных пробел в общественном воспитании, подобно тем картонным деревьям, которыми закрываются пустые места на театральной сцене.

Чтобы скорее и вернее ввести читателя в область понятий, с которыми мы будем иметь здесь дело, мы представим несколько примеров различных комбинаций, заимствуя эти примеры в учебных заведениях всех образованных народов.

Образцы самого тесного соединения всех трех элементов школьной жизни, административного, учебного и воспитательного, представляют нам английские учебные заведения, особенно старые, закрытые (интерны) школы, академии и институты, в которых воспитанники не только учатся, но живут и действительно воспитываются.

В этих заведениях, по большей части, должность начальника соединяется с должностью главного учителя и главного воспитателя школы. Часть хозяйственная значительно облегчается особым комитетом, состоящим из попечителей школы (trustees), так как все эти школы — учреждения час-

¹ Ушинский, К. Д. Избранные педагогические сочинения. — М. : Педагогика, 1974. — Т. 1. — 584 с. — С. 32–51. (Статья опубликована впервые в «Журнале для воспитания» (1857 — № 5)

тные, хотя некоторые из них существуют уже многие столетия и получили совершенно общественный характер, не сделавшись казенными. Должность учителя также, по большей части, соединяется с должностью воспитателя, по крайней мере, в низших и средних классах. Учителя живут в самом заведении, учат, приготавливают к урокам воспитанников и в то же время наблюдают за их поведением и развитием.

Если начальник заведения, ректор, директор или главный учитель (head master) носит духовное звание, то он к должности начальника, воспитателя и главного учителя присоединяет еще и должность проповедника школьной церкви и духовного отца своих воспитанников.

Понятно, что такое соединение воспитательных обязанностей на одном лице ставит всю судьбу заведения в полную зависимость от характера того лица, которое занимает должность главного воспитателя, в полном и нераздельном значении этого слова. Если этот воспитатель, как по образованию, так и по характеру своему соответствует высокому призванию педагога, то заведение в его руках быстро может достигнуть совершенства. Таким воспитателем, например, был доктор Арнольд, ректор грамматической школы в Рюгби, имя которого пользуется заслуженной и блестящей известностью в педагогическом мире Западной Европы и Северной Америки. Он не только был начальником, главным воспитателем и духовным наставником всей школы, но почти единственным учителем в ее старшем классе. Воспитанники этого

класса до того подчинялись влиянию своего воспитателя, что делались лучшими и вернейшими его помощниками по управлению школой и по учебному и нравственному надзору за младшими ее классами. Вот почему воспитанники Рюгби, куда бы ни заносила их судьба, никогда не забывали нравственных уроков, полученных в школе: не школа и не ее немые стены сохранялись в их воспоминании, но величественный образ их энергического и добродетельного воспитателя, который учил их более собственным примером, всегдашним одушевлением, всегдашней готовностью на самопожертвование для их блага, нежели словами. «В школе и вне школы, — говорит Стэнли, ученик Арнольда, сделавшийся потом его биографом, — перед глазами воспитанников Рюгби стоял непрестанно доктор Арнольд, и для них не существовала школа, а только великий пример их воспитателя».

Конечно, такой воспитатель, как доктор Арнольд, везде бы имел влияние на воспитанников, но только при таком устройстве заведения, как в Рюгби, сосредоточивающем все воспитательное влияние в руках одного человека, оно могло высказаться с такой полнотой, царствовать так безраздельно и оставаться так долго в характерах воспитанников.

Такое же соединение воспитательных элементов школы на одной личности видим мы и в других заведениях Англии.

Ректор Эдинбургской академии с должностью главного начальника и главного наставника соединяет должность пастора школьной церкви и ду-

ховника воспитанников.

В одном из старейших и знаменитейших сиротских институтов Британии, в Герриетовом приюте (Heriot's Hospital), директор заведения обязан преподавать в старших классах не менее трех часов в день, и именно те предметы, которые могут оказывать большее нравственное влияние на воспитанников: английскую историю, философию и нравственное богословие. Он живет в самом заведении и обязан обедать вместе с воспитанниками. По выпуске воспитанников из заведения ректор долго и тщательно следит за их судьбой, сносится с их хозяевами или начальствами, принимает их к себе во время болезни или когда они приезжают погостить в свой прежний приют; помогает им советами, протекцией и деньгами, ведет подробную их историю и долго заменяет отца и опекуна сиротам, получившим воспитание в Герриетовом приюте.

В некоторых других заведениях Англии, в Бельфастской Королевской Академии например, главное начальство школ принадлежит не одному лицу, но совету преподавателей, который избирает из среды себя, на определенное время, главного распорядителя по заведению и представителя его интересов.

К хозяйственной части такие начальники заведений находятся тоже в различных отношениях. Иногда они сами или подчиненные им особые чиновники отдают в непродолжительные сроки отчет по финансовой и экономической части комитету попечителей (trustees) заведения; гораздо чаще сам этот комитет, в котором начальник за-

ведения занимает должность члена, управляет через особенного чиновника (treasurer, steward) хозяйством заведения.

Учителя в таких заведениях являются вместе и воспитателями и исполняют те обязанности, которые в учебных заведениях другого устройства поручаются особнным гувернерам, надзирателям или репетиторам. Эти обязанности ведут за собой для учителей другую обязанность — жить в заведении, которая иногда прямо выражена в уставах учредителей. Но этого мало: обязываясь жить в заведении, учителя в то же время отказываются от семейной жизни и должны оставаться холостыми. Это тяжелое ограничение сохраняется в Англии с давних пор и идет из католического периода древнейших ее университетов, откуда перешло и в старые второстепенные школы, находящиеся в органической связи с древними университетами или устроенные по их образцу. Действительные члены Оксфордских коллегий, fellows, живущие в этих коллегиях и пользующиеся их стипендиями, также не имеют права жениться.

В заведениях полуоткрытых, где воспитанники, хотя и не живут в самих заведениях, но и не на вольных квартирах, а в пансионах у учителей школы, обязанности учителя, гувернера и репетитора также соединяются в одном лице, вполне отвечающем за успехи и характер своих воспитанников. В старших классах средних школ, называемых академиями, семинариями, коллегиями и просто школами, появляются уже преподаватели при-

ходящие, занимающие только преподавательскую должность. Это вообще допускается по тем немногим предметам, где в классах идет уже чтение лекций, а не ученье уроков. В этом случае бывшие преподаватели являются только воспитателями и репетиторами, готовят воспитанников к лекциям, объясняют им эти лекции, наблюдают за ученьем и значительно облегчают дело преподавателя, занятого по преимуществу изложением предмета. Такой распорядок дает возможность профессорам и ученым специалистам принимать на себя должности преподавателей в школах, от которых бы они отказались, если бы с этим была соединена обязанность следить за прилежанием и развитием воспитанников.

Остановившись на таких заведениях, представляющих образчики самого тесного соединения всех трех элементов школьной жизни, мы не можем не сознаться, что *воспитательная сила* их необыкновенно велика. На какой конец употребляется эта сила? как велик круг познаний, сообщаемых старыми английскими школами? соответствует ли он современным требованиям? Это все вопросы посторонние. Но что влияние на характер воспитанников, оказываемое старыми английскими учебными заведениями, действительно велико, в этом никто не может отказать им. Воспитанники Оксфорда, Кембриджа, Вестминстера, Рюгби и пр. до глубокой старости сохраняют в душе и характере живые следы своего воспитания. Не то же ли самое видим мы в иезуитских школах и не те же

ли причины производили в них то же самое явление, только в сильнейшей степени?...

Вот почему мы надеемся, что никто не упрекнет нас в парадоксе, если мы скажем, что в старых английских школах более, чем где-нибудь, сохранилась та *воспитательная сила*, которая в такой замечательной степени проявлялась в иезуитских коллегиях. И там и здесь эта воспитательная сила проистекает из полного соединения элементов школьной деятельности и зависит также от того, что как в иезуитских, так и в старых английских школах воспитанию дается главное место. Но тогда как иезуиты подчиняли воспитание целям своего ордена, англичане подчинили его требованиям общества. Воспитательная сила английских школ употребляется ими для развития в воспитаннике народной английской идеи образованного джентльмена. Вот почему в английской школе воспитатель уже не имеет нужды прибегать к средствам, противным нравственности. Подслушивание и подглядыванье, шпионство между воспитанниками, всякого рода безнравственные уловки, употребляемые воспитателями для покорения воли воспитанников, увы! не в одних иезуитских школах, чужды духу английского воспитания, но оно, тем не менее, не останавливаясь на одной формалистике ученья, умеет открыть дорогу к уму и сердцу воспитанника. Воспитывая, прежде всего, английского джентльмена, понятие о котором, так сказать, живет в исторической атмосфере Англии, английские школы на этом самом понятии осно-

ывают свою необыкновенную воспитательную силу. Стремясь, прежде всего, воспитывать человека, англичане подчиняют все в школе понятию воспитания и не разделяют должности администратора, учителя и воспитателя. Англичане, с свойственной им практичностью, употребляют школу для того, для чего она назначена, и в их школе воспитатель всегда есть и администратор и учитель, или, лучше сказать, в их школе есть место только для воспитателей и воспитанников.

Германия в школьном устройстве остается верна своему общему историческому направлению, выражающемуся в стремлении к науке. Германская школа, несмотря на возгласы педагогической теории, учит, а не воспитывает; а потому, во-первых, в Германии преобладают открытые заведения, и, во-вторых, совершенно последовательно, учитель является в школе главным действующим лицом, а начальник заведения, прежде всего, начальником учебной части. Часть административная и, что называется, деловая, вообще весьма незначительная в открытых заведениях, уменьшена до крайности и вся почти находится в руках школьных коллегий, так что начальник школы, директор и ректор гимназии или семинарии есть прежде всего главный распорядитель по учебной части, председатель учительских конференций, образцовый педагог и чаще всего сам главный учитель школы. Вне учебной части его деятельность ограничивается самыми ничтожными предметами. Но главные предметы его деятельности составляют: стройность преподавания,

правильность метод, экзамены, выбор учебников, деятельность учительских конференций и пр. Он не только следит за правильностью метод преподавания и исполнением их на самом деле, но обязан по закону собственным примером показывать преподавателям приложимость этих метод. С этим германским понятием о начальнике учебного заведения совершенно согласны и те требования, которые поставляются законом для получения этой должности. Директор прусской гимназии не указывается общественным мнением, которое руководит попечителями английских учебных заведений при выборе начальников в школы, но должен выдержать экзамен на высшую учебную должность. Если он выдержал все три степени учительского экзамена, *pro facilitate docendi*, *pro loco* и *pro ascensione*, то он может искать директорского места. Следовательно, директорские места в Германии исключительно получают учителями, или, вернее сказать, директорская должность в Германии есть не более, как высшая учительская должность, и директор или ректор, наблюдая за преподаванием всех предметов, продолжает преподавать и сам некоторые из них. Все это, как нельзя более, соответствует германскому народному понятию о воспитании, как ученье, и вследствие этого все в школьном устройстве и в школьной деятельности подчиняется идее ученья. Учителя только учат, и сам директор может иметь весьма слабый надзор за поведением воспитанников, рассеянных по городу, хотя закон и обязывает его наблюдать, чтоб они помещались

если не в домах своих родителей, то в таких домах, на порядочность которых можно надеяться.

Закрытые заведения, сравнительно немногочисленные в Германии, не дают тона общественному воспитанию (как, например, Оксфорд в Англии), устроены весьма разнообразно и не имеют особенной характеристики. В Пфортской гимназии, например, которая по преимуществу является закрытым заведением, хотя в ней есть и приходящие, обязанные, Впрочем, жить в домах учителей, мы видим одно из старейших учебных заведений Германии, основанное еще Морицем Саксонским в 1543 г. на фонды, отобранные от монастырей. В этом заведении, состоящем из трех высших классов гимназии, учителя живут в самом здании только в продолжение очередной недели. Из этой очереди исключаются директор и инспектор (лицо духовное). Определение учеников принадлежит Магдебургской школьной коллегии. Хозяйственной частью занимается особый чиновник, дающий в ней отчет прямо министерству финансов.

Главнейшая часть не только дисциплины, но и всего воспитания лежит на учениках первого, т. е. старшего, класса. Шесть часов в неделю употребляют они на приготовление учеников младшего класса в латинском и греческом языках, что служит для них самих повторением грамматики этих языков. Все ученики заведения (до 180 человек) при приготовлении к урокам разделяются на двенадцать групп, из которых каждая занимает особую комнату, заключающую в

себе большее или меньшее количество учебных столов, смотря по величине комнаты. За каждым столом сидит один из учеников первого класса. Он обязан наблюдать за порядком всего стола и помогать младшим ученикам в приготовлении уроков. В исполнении этой обязанности помогает ему ученик второго класса. Кроме того, в каждой учебной комнате находится один из лучших учеников первого класса, который наблюдает за всей учебной комнатой. Эти ученики играют весьма важную роль в заведении. Они избираются советом профессоров каждые шесть месяцев, наблюдают как за учением, так и за поведением младших учеников, присутствуют при советах заведения, помогают дежурному преподавателю и вместе с ним отдают отчет в еженедельных происшествиях. Они могут даже наказывать младших учеников, но наказание не должно идти выше обязанности провинившегося просидеть в учебной комнате время, назначенное для отдыха. В случаях более важных ученик-инспектор прибегает к дежурному преподавателю или директору.

Совет преподавателей, называемых здесь профессорами, собирается еженедельно для обсуждения всех школьных происшествий.

Замечательно еще то распоряжение, что каждый вновь вступивший ученик поручается на все время своего пребывания в заведении одному из преподавателей, который наблюдает за ним во всех отношениях и переписывается с его родственниками. Преподавателей же здесь всего шесть и четыре адъюнкта.

Таким образом, мы видим, что в этом довольно сложном, хотя очень хорошо обдуманном внутреннем рас­порядке заведения, уче­нье и воспи­тание соеди­нены в руках одних и тех же лиц, но не лежат на обя­занности одного лица в особен­ности, а на обя­занности совета. Следова­тельно, единство в направ­лении может здесь быть достигнуто только тогда, если совет заведения сложился удачно, и ученики стар­шего класса, на которых падает важ­нейшая часть воспитания, могут выпол­нить свои обя­занности и оживлены общим духом заведения. Поочередные дежурства препода­вателей, в продол­жение которых только они живут в заведении, не позволяют им иметь того влияния на воспитан­ников, которое они могли бы иметь, оставаясь в заведении постоянно и на­блюдая каждый за своим отделением. Вообще видно, что и в этом заведении уче­нье идет впереди всего.

Такое устройство заведения, при котором, как в Пфортской гимназии, глав­нейшая часть наблюдения за вос­питанием и пригото­влением уроков падает на самих же воспитан­ников старших классов, обще большей час­ти германских интернов. Это, конечно, дает возможность назначить ту умеренную плату за содержание вос­питанников, которой отличаются гер­манские закрытые заведения; но не­льзя не видеть, что при таком рас­порядке воспитательная часть заведения никогда не может подчиниться до той степени воле воспитателя, до какой подчиняется она в старых английских учебных заведениях. В английских кол­легиях воспитатели живут вместе с

воспитанниками, направляют их вос­питание в продолжение всего их пре­бывания в заведении и предоставляют обществу воспитанников направление воспитания отдель­ного лица настоль­ко, насколько можно положить­ся на созданный уже дух заведения.

Остальное устройство герман­ских закрытых заведений - отношения учебной части к воспитательной, глав­ного воспитателя к второстепенным, воспитателей и преподавателей к вос­питанникам - чрезвычайно разнообразно.

В большом Гамбургском сиротс­ком доме, например, где дети остаются только до 14-летнего возраста и, кро­ме уче­нья, приучаются еще к реме­слам, учителя не живут в заведении и в неучебное время за детьми присма­тривает прислуга, что, конечно, весь­ма дурно; но главный вопрос здесь составляла экономия. Содержание воспитанника в год, рассчиты­вая вес издержки заведения, обходится не бо­лее 75 рублей.

В Франковом сиротском инсти­туте, в Галле, воспитание совершенно отдельно от уче­нья. Сироты живут вместе с пансионерами в особом заве­дении и, смотря по своему назначению, посещают различные школы, основав­шиеся мало-помалу вокруг зерна, по­ложенного профессором Франком. В этих школах собирается до 3000 уче­ников. Наблюдение за пригото­влени­ем уроков и в Франковом сиротском институте падает, главным образом, на учеников старших классов и устро­ено так же, как и в Пфортской гим­назии; зато и содержание воспитан­ника обходится не более 100 рублей

серебром в год. Большая часть сирот посещает народную школу (*Burger-Schula*), а те, которые назначаются по способностям: к ученому поприщу, посещают гимназии и готовятся к поступлению в университет.

Таким образом, мы видим, что в Германии и в немногих ее закрытых заведениях (сравнительно с открытыми) ученье стоит везде на первом плане, не находясь в тесной связи с воспитанием. Само собой разумеется, что в открытых заведениях, где воспитанники живут в своих семействах и на вольных квартирах, общественное воспитание играет еще меньшую роль и остается одним ученьем.

Во Франции элементы школьной жизни распадаются еще более. Здесь администрация заведения важно выступает впереди, слишком гордая для того, чтобы унизиться до смиренного занятия ученьем или воспитанием; а ученью нет никакого дела до воспитания, а воспитание... но трудно сказать, что делает воспитание, потому что едва ли оно существует во Франции.

Совершенное отделение административной части от учебной и воспитательной кидается в глаза при первом взгляде на французские лицеи и коллегии. Правитель (*proviseur*) казенного лицея и начальник (*principal*) коллегии являются, конечно, и начальниками учебной и воспитательной части; но они не принимают личного участия ни в той, ни в другой: они никогда не бывают учителями, и в воспитании им принадлежит только главный надзор. Вместе с тем закон выставляет (и то с недавнего времени) весьма небольшие требования, выполнением которых

приобретается право на получение места правителя лицея, и еще меньшие для начальника коллегии. Правитель лицея должен иметь диплом лиценциата словесных или физико-математических наук (*licencie es lettres* или *licencie es sciences*). Экзамен на степень лиценциата (*examen de la licence*) составляет нечто среднее между нашими выпускным гимназическим экзаменом и выпускным университетским. Принципал коллегии (гимназии, содержащейся отчасти на счет города, но подчиненной общему университетскому управлению) не обязывается выполнением и такого умеренного требования; для него довольно бакалаврского, т. е. гимназического, экзамена, да и это требование не всегда выполняется. Содержатель пансиона может ограничиться даже, если не выдержано гимназического экзамена, одним *brevet de capacite*. Для немцев, привыкших к своей системе экзаменов, кажется непонятным, как начальник заведения может обойтись даже без того экзамена, который обязан выдержать учитель старших классов вверенного ему заведения. По германскому, тоже одностороннему, понятию начальник заведения есть не более, как старший из старших учителей, и, кроме высшего учительского экзамена, должен подвергнуться испытанию *pro loco*. Но французы смотрят иначе на этот предмет. Они полагают, что для управления учебным заведением не нужно больших научных сведений, что хороший учитель не всегда может быть хорошим администратором и, наоборот, что особенная ученость может быть даже

вредна в административном отношении. Есть и другие соображения. Иные, например, говорят довольно откровенно, что вредно затруднять дорогу к получению начальнических мест в средних учебных заведениях таким лицам, которые, управляя заведениями низшего разряда, приобрели достаточную педагогическую опытность, хотя по летам своим и по роду своих занятий не могут уже подвергаться новым экзаменам. Все это совершенно справедливо с административной точки зрения и выводится логически из разделения ученой и административной деятельности. Но что должно идти впереди в учебном заведении, наука или администрация? Положим, что правитель лицея или принципал коллегии приобрел весьма обширную административную опытность в управлении школой низшего разряда; но разве эта опытность дает ему возможность сообщать направление преподаванию таких наук, о существовании которых он едва знает? Понятно, что при таком устройстве заведения ученье подчиняется администрации, и та цель, для которой существует учебное заведение, становится на втором плане. Вместе с тем интерес ученья часто приносится в жертву административной стройности, для которой дороже всего блеск, внешний порядок и полировка.

Такое положение начальников французских учебных заведений требовало по необходимости еще нового лица в управлении, которое могло бы иметь общий надзор за учебной частью, цензора (*senseur*) в лицеях и помощника, *под-принципала* (*sous-*

principal), в коллегиях. Но и это лицо пристроилось к административной части как более легкой и почетной. Цензор не преподает сам, а только наблюдает над преподаванием, *заведывает* общей дисциплиной и служит посредником между главным начальником заведения и учителями. Трудно понять обязанности лица, занимающего должность цензора: он или делает все, или ничего не делает. Если вся учебная часть, в самом деле, лежит на ответственности цензора и главное заведование ею, с правами и обязанностями, принадлежит ему, то он является настоящим начальником заведения и почти всех лиц, его составляющих, учителей и гувернеров. В таком случае правитель лицея или принципал коллегии, управляя только административной, т. е. самой незначительной частью во всяком учебном заведении, становится в странное и тяжелое положение начальника без власти и без дела. Если же власть, как это и действительно во Франции, остается в руках правителей и принципалов, то на долю цензоров выпадает пустая и по большей части совершенно бесполезная обязанность надсмотрщиков и советников. Должно прибавить, что для получения цензорской должности экзаменационные требования так же ничтожны, как и для получения должности принципала коллегии. Это последнее обстоятельство делает совершенно непонятным, чего хотели французы от своих цензоров.

Что касается до отношения воспитательной деятельности к учебной во французских закрытых заведениях, то единственным и, должно признаться,

весьма слабым звеном между этими двумя частями является классный гувернер (*maitre d'etudes*). Он никогда не бывает учителем; но обязан наблюдать за воспитанниками во время приготовлений к урокам и во время, назначенное для отдыха. В чем состоит это наблюдение? Если классные гувернеры обязаны только смотреть, как воспитанники сидят за книгами, то какая это бесполезная и скучная должность! Если же они должны помогать воспитанникам в приготовлении уроков и стараться, чтобы они действительно и как следует приготовили свои уроки, т. е. объяснять им урок и спрашивать его, тогда непонятно, что остается делать преподавателю. Преподаватель - не профессор: он не читает лекций, но учит, т. е. объясняет ученикам урок и убеждается, поняли ли и усвоили ли они его. Такая неопределенность в разграничении обязанности и ответственности необходимо поведет к одному из двух: или преподаватель будет кое-как объяснять урок и чаще задавать его по учебнику от точки до точки, не заботясь о том, многие ли усвоили его, или гувернер будет только смотреть, чтобы дети сидели смирно в часы, назначенные для приготовления. Но в действительности при таком устройстве интерната чаще всего выходит середина, в этом случае вовсе не золотая: учитель сваливает ответственность в приготовлении уроков на гувернера и в случае неуспеха говорит: «Что же мне делать, когда ученики не учат уроков?»; а гувернер обвиняет учителя, говоря, что ученики сидели прилежно за книгами. Случается нередко и так, что гувернеры и учителя,

товарищи по службе и, может быть, приятели, оправдывая друг друга, обвиняют учеников в непонятливости и лени или начальников заведения в слабости наказаний. Наказания и награды становятся тогда единственными стимулами ученья, и французская педагогика поневоле находит свое спасение в том, что всеми возможными средствами, орденами, чинами, публикацией в газетах, стуком барабана и гулом трубы, поджигает врожденное тщеславие маленького француза. Там же, где, почему бы то ни было, не берет самолюбие — работает линейка, голод, карцер и розга. Где же место воспитанию сердца и характера?

Ничтожностью гувернерских обязанностей во французских интернатах (а все французские коллегии и лицеи по большей части интернаты или окружены пансионами) объясняется и ничтожность требований для получения гувернерской должности. Только в лицеях должность гувернера требует бакалаврского, т. е. гимназического, экзамена: в гимназиях городских и частных и этого не нужно. Должность гувернера часто занимают весьма молодые люди, а иногда такие пройдохи, которым уже нет более нигде приюта. Гувернерская обязанность так не головоломна, что ее всякий может исполнить, и во многих французских заведениях можно встретить таких гувернеров, которые сами едва умеют читать и писать и нравственность которых более нежели двусмысленна.

Где же здесь воспитание? Кто занимается им? Принципал администрирует, цензор наблюдает за ходом преподавания, преподаватель спра-

шивает уроки и ставит отметки, гувернер смотрит, чтобы дети не шумели; а воспитывает-то кто же?

Но мы можем указать образчик еще большего разделения школьных элементов и, к нашему удивлению, находим этот образчик в Англии же. Во французских лицеях и коллегиях есть хоть какие-нибудь экзаменационные требования для воспитателей и администраторов, видны хотя слабые попытки воспитания в обязанностях гувернеров; но в Сандгертской военной школе и того нет.

Но вот какой взгляд имеют сами англичане на эту школу:

«Есть два способа управления общественною школой, а к такой школе, которая, как Сандгертская военная коллегия, имеет две цели, оба эти способа должны быть приложены. Можно управлять школой или прямо посредством учителей, или не прямо, но более действительным образом, возвышенностью чувства и нравственных правил самих воспитанников. В Сандгерсте, вдвойне несчастном, нет ни того ни другого. Здесь нет главного учителя (head master). Правитель коллегии есть главная власть и высшая инстанция во всех делах; но он не преподает сам и не принимает никакого личного участия в исполнении обязанностей главы большого воспитательного заведения. Да и нельзя требовать исполнения обязанностей такого рода от пожилого воина, который, с большой пользой для отечества и честью для себя, провел всю свою жизнь в занятиях совершенно другого рода. Помощник его также не имеет претензии на звание главного наставника;

он считает должность свою совершенно выполненной, пробывши в заведении от десяти до часу. Что касается до настоящих учителей или профессоров, то они наполняют рассудок воспитанника различными отраслями науки, но не воспитывают — ни его тела, ни его души, ни его характера. Они учат математике, французскому или немецкому языкам; но им нет никакого дела до нравственности и привычек. Правда, при коллегии есть капеллан, но он почти не входит в прямые сношения с мальчиками. Церковная служба и религиозные наставления совершаются очень небрежно: несколько общих молитв утром и вечером, катехизация в полгода раз, наставления в христианских обязанностях и догматах христианской религии еженедельно — вот и все; так что капеллан, находя, что у него остается много свободного времени от исполнения его пастырских обязанностей, занимается и преподаванием истории. Преподаватели не живут в заведении и не имеют наблюдения над образом жизни и привычками мальчиков. Положение преподавателей крайне зависимое и подчиненное; они должны прибегать к военной власти даже для того, чтобы добиться внимания к своему преподаванию. Совет коллегии, состоящий из четырех офицеров, может удалять их от должности во всякое время. Учителя получают плату по урокам, и этим ограничиваются все их сношения с коллегией и все их участие в ее интересах. Если вы говорите человеку, чтобы он брал свои деньги и убирался, то как же вы можете ожидать, чтобы он приложил свое сердце к делу, или

сделать его ответственным за какой-нибудь недостаток, который вы замечаете? Самая важная часть воспитания - образование характера - находится в Сандгерсте исключительно в руках военных, которые приобрели свои педагогические сведения в казармах и на ученьях, а прилагают их к детям двенадцати и тринадцати лет, когда образуется характер и решается на всю жизнь выбор доброй или дурной дороги.

«Но моральное влияние наставника на мальчика далеко не равняется тому, которое имеют мальчики один на другого. Школа составляет общество, имеющее свое общественное мнение, столь же сильное, как и мнение света, даже сильнее, потому что в четырех стенах залы или спальни нет убежища для независимой мысли. Для благосостояния школы, поэтому важнее всего создать и поддерживать высоконравственный тон между воспитанниками и образовать в орудие добра это общественное мнение школы, которое действует могущественно во всяком направлении. Если общественное мнение школы возвысилось до того, что между воспитанниками считается за стыд обмануть, за низость злоупотребить доверием, тогда большая часть дисциплины может быть предоставлена самим воспитанникам, и именно тем, которые по своему характеру сами получили влияние на класс и своим поведением возвышаются до такого положения. Такая школьная аристократия, управляя по праву, будет уважать сама себя, своих товарищей, своих воспитателей, и честь заведения безопасна в ее руках».

В Сандгерсте нет даже начатков такого устройства.

«Наблюдение за воспитанниками посредством сержантов, которые, не будучи ни воспитателями, ни начальниками, а принадлежа к числу прислуги, становятся шпионами, не позволяет образоваться в школе благородному общественному мнению».

Мы представили образчики различного соединения школьных элементов в заграничных учебных заведениях с тем, чтобы ближе поставить читателя к предмету нашего рассуждения; но, увлекшись невольно, высказали нашу мысль прежде, чем хотели. Мы не скрыли того предпочтения, которое отдаем устройству старых воспитательных заведений Англии, и не боимся за это упрека в англomanии. Мы твердо убеждены, что в деле общественного воспитания подражание одного народа другому выведет непременно на ложную дорогу. В этой истине более всего убеждают нас сами же старые английские школы, воспроизводящие уже в сотнях поколений своих воспитанников строго народный идеал джентльмена. Смешно же было бы воспитывать джентльменов в Германии, Франции или России и производить те маленькие свистящие сквозь зубы карикатурки, над которыми подсмеивается Гоголь. Но во всяком общественном явлении, кроме исторической, чисто народной и потому неподражаемой стороны, есть и своя рациональная сторона, отвергать которую только потому, что она высказалась прежде у другого народа, было бы весьма нелогично. Такой стороной в англий-

ском общественном воспитании, проникнутом народным историческим характером, кажется нам именно это тесное соединение школьных элементов. Оно дает силу воспитанию; а сила — достояние общее. Создайте эту силу и направьте ее для чего угодно. Без нее, как хорош и народен ни был бы ваш идеал воспитания, вы не внесете его в характер ваших воспитанников.

Постараемся в заключение вывести логически разумность школьного устройства, которое мы в нашем обзоре предпочли всем прочим.

В воспитании все должно основываться на личности воспитателя, потому что воспитательная сила изливается только из живого источника человеческой личности. Никакие уставы и программы, никакой искусственный организм заведения, как бы хитро он ни был придуман, не может заменить личности в деле воспитания. Недаром браминская педагогика предписывает учителю сначала поставить перед собой ученика и смотреть на него до тех пор, пока он покорится совершенно воле учителя. Не знаем, до какой степени шло успешно такое магнетизирование учеников, предписываемое Ведами; но убеждены в том, что без личного непосредственного влияния воспитателя на воспитанника истинное воспитание, проникающее в характер, невозможно. Только личность может действовать на развитие и определение личности, только характером можно образовать характер. Причины такого нравственного магнетизирования скрываются глубоко в природе человека.

Вот почему в школьном воспитании самое важное дело — выбор главного воспитателя, на который, как мы видели, так мало обращается внимания во Франции. Инструкции, уставы, программы — дело второстепенное, и чем меньше их, тем лучше. Дурного воспитателя они не сделают хорошим и не заменят его ни в каком случае: хорошему же они не нужны и могут только помешать ему.

Главный воспитатель должен быть главным учителем и преподавать самый воспитывающий, центральный предмет, вокруг которого все остальные группируются. Ученье есть могущественнейший орган воспитания, и воспитатель, лишенный этого органа, потеряет главнейшее и действительнейшее средство иметь влияние на воспитанников. Главный воспитатель или начальник школы должен в строгом смысле слова жить с воспитанниками, чтобы иметь влияние на них не только словами, но и примером.

Обширность и многообразие учебного заведения никогда не должны превышать пределов возможности личного наблюдения и влияния главного воспитателя. С утверждением духа заведения пределы его могут расширяться; но опаснее всего для заведения, если в нем набито столько воспитанников, что наблюдение за ними (а иногда даже и самое знание их имен) становится для главного воспитателя невозможным. Тогда поневоле он должен положиться на других, которые в свою очередь предоставят это наблюдение третьим, и в школьную жизнь начнут вливаться со всех сторон самые разнородные

элементы, с которыми не в состоянии уже будет справиться главный воспитатель и поневоле перестанет вести заведение: оно само поведет его за собой. Как велико должно быть число воспитанников одного заведения, чтобы ни один из них не мог ускользнуть из-под личного влияния воспитателя? Это трудно определить цифрами; но мы полагаем, что умный воспитатель, обладающий энергичным характером и вполне посвятивший себя своему делу, при хорошей организации интерната может вести воспитание ста и даже полутора ста воспитанников. Но когда под этим влиянием уже образовался и ясно высказался дух заведения, тогда число воспитанников может быть удвоено и идти даже далее. Воспитательная сила заведения будет расти с каждым годом и подчинять себе новые личности. Таким заведением надобно дорожить как особенной милостью божьей: его лелеять и беречь как дорогое многоплодное растение; и новый воспитатель, сменивший прежнего, должен всегда помнить, что на таком богатом соками корне можно многое привить, но что самого корня касаться не должно.

Положение главного воспитателя в отношении к второстепенным, гувернерам и учителям, должно быть таково, чтобы он не только был их начальником, но и старшим между ними товарищем; чтобы они связаны были между собой как люди одной профессии, идущие по одной дороге.

Хозяйственная часть заведения должна быть приведена к возможно простейшему виду, и если возможно, то начальник заведения не должен

принимать в ней вовсе никакого участия. Нет ничего хуже, если воспитанники по какому-нибудь поводу, справедливо или ошибочно, воображат, что их главный начальник и воспитатель пользуется на их счет какими-нибудь незаконными выгодами. Тогда все погибло. Воспитатель, которого мальчики подозревают в школе, что он пользуется деньгами, назначенными на их пищу или одежду, если он сам лично не виноват ни в одной копейке, перестает уже быть воспитателем. Нечему удивляться, если мораль, которую он проповедует воспитанникам, не будет иметь на них никакого действия, и заведение будет ежегодно дарить обществу новой толпой взяточников и лицемеров. Чем дальше главный воспитатель поставлен от хозяйственной части интерната, тем лучше. Он должен быть в этом отношении только представителем интересов воспитанников и наблюдать за тем, чтобы они получали все должное. Примеров такого устройства экономической части учебных заведений мы видим множество в Англии. Учителя должны быть вместе и воспитателями, по крайней мере, в младших и средних классах интернатов гимназического курса. Наука в этом своем объеме и в этом возрасте учеников есть воспитание, и если воспитание имеет еще и другие средства, то наука все же остается самым могущественным из них. Воспитатель — не учитель, он надзирает за порядком, но не воспитывает; учитель — не воспитатель, он учит, но тоже не воспитывает. В преподавателе среднего учебного заведения

знание предмета далеко не составляет главного достоинства. Трудно ли знать какой-нибудь один предмет в пределах гимназического курса? Трудно ли знать три, четыре такие предмета, занимаясь ими исключительно год или два? Но главное достоинство гимназического преподавателя состоит в том, чтобы он умел воспитывать учеников своим предметом. Но для этого ученики должны быть вполне его воспитанниками, и он должен знать их и должен сам вести их к предполагаемой цели. В низших классах воспитатель должен преподавать все или почти все предметы и вместе с тем жить с воспитанниками. Если класс его велик, он может иметь помощника. Если воспитатель, поставленный таким образом, приложит все старание свое к делу, то скоро ученики, лучшие по успехам и поведению, облегчат его труд, и он из каждого воспитанника делает все, что можно из него сделать. Занятие одного воспитателя с одним и тем же классом должно простираться по возможности долее: три и даже четыре года. В высших классах уже могут быть посторонние преподаватели, и здесь-то главный воспитатель, как главный преподаватель, будет на своем месте. Но где же найти таких воспитателей, которые бы могли быть преподавателями почти всех предметов, хоть и в низших классах, и вместе с тем жертвовать всем своим временем воспитанникам? Отчего же и не найти? Всякий, кончивший университетский курс и получивший, кроме

того, специальное приготовление в педагогическом училище, может занять такое место и захочет занять его, если жалование будет вознаграждать его не только за труды, но и за потраченные с пользой для общества годы жизни. Соединением же воспитательных должностей с учительскими и соединением предметов преподавания на одном преподавателе получается возможность назначения больших жалований и совершенно и скоро обеспечивающих пенсий. Мы убеждены вполне, что один хороший воспитатель при 25 и даже 30 воспитанниках принесет делу общественного воспитания несравненно более пользы, чем семь или восемь плохих и плохо вознаграждаемых учителей и один или два ничего не значащих гувернера, и, кроме того, будет стоить заведению вдвое дешевле. Дробление предметов между учителями и воспитательных обязанностей между разными лицами ничего не приносит, кроме вреда. При таком устройстве обыкновенно никто не ведет, т. е. не воспитывает класса, а он сам идет куда попало, прихрамывая то на ту, то на другую сторону.

Мальчики, предоставленные самим себе, не подчиненные одному воспитывающему влиянию, только портят друг друга и дичают. Сорные травы вырастают с необыкновенной быстротой на юной, сильной, но никем не разрабатываемой почве, глушат все добрые начатки, и новый источник зла обильно сочится в лоно общественной жизни.